

Тут мне опять говорят, мол, пятнадцать лет назад уехал, а рассказы всё про ту жизнь. Но стальгия заедает, э? Или как это прикажешь объяснить? А так объяснить. Родина наша – место экстремальное, что хорошо для сочи-

тельства, но плохо для здоровья и вообще. Здесь скучно-благополучно: лейбористов выбрали – они повысили налоги. Меняем на консерваторов – снова повысили налоги. И пенсионный возраст заодно. Гениальное экономическое решение – человек погибает на работе, а пенсия остаётся у кого надо. Нет, отдельные герои доживают, но выглядят при этом удручающе – напоминают не растения даже, а гербарий. Настолько изумлены фактом доживания, что шевелятся только на ветру. Так мы и не надеемся. А больше ничего не происходит, слава богу.

Но ведь можно понять иначе. В смысле возраст другой, бессобытийный. Частота и качество стула – главная интрига дня. Несёшь себя осторожно, будто древнюю вазу. Шаг в сторону, оступился – и триндец. Раньше заболела, допустим, нога, или шея, или глаз. Ты плюнул на это дело и забыл. И оно само прошло. Раньше не лечил – проходило. Сейчас лечишь – не проходит. Таблетки, втирания, капли, ингаляция, массаж. Йога, медитация, диеты, будь они неладны... Не проходит, сволочь. И вряд ли уже пройдёт. То есть оно, конечно, пройдёт, но боюсь, что вместе с нами.

Грустно это, братцы, как же так?

Живём вроде бы. Годами куда-то ездим, суетимся, платим налоги. А вспомнить нечего. И люди какие-то мелькают рядом, намного ближе, чем хотелось бы. Может, к ним внимательнее присмотреться? Хотя куда ещё внимательнее? Если брать по совместно убитому времени, то они мне роднее жены. Кстати, она недавно рассказывает.

Одна тётка с её работы держит зайца и двух кошек. Семья у неё такая. Раньше были заяц и другая кошка, но кошка состарилась и умерла. Хозяйка от депрессии месяц бюллетенила, всё официально, диагноз. И заяц тоже поскучнел, неумоготу им сделалось без кошки. Присмо-

трели в магазине котёнка. Продавцы говорят: «Они с братом неразлучные, купите обоих, иначе может с тоски заболеть». А котятки-то породистые, недешёвые, триста баксов за хвост. Но сейчас рады, весело дома. Котятка зайца уважают – он там босс. Это я к тому, что сослуживцы тоже люди, и «хумани нихил» им не «путо». И если, например, явиться в офис голым, то к обеду, может, кто-нибудь заметит.

Я хотел назвать этот текст «Сослуживцы». «Коллеги» звучит лучше, да использовано, увы. Но жена сказала: м-м-м... назови просто «Офис». Хорошо. Далее. Если кому надо сюжет, бросайте читать прямо здесь. Его не будет.

Помню, рассматривал я картину «Явление Христа народу». Грандиозное полотно. Однако едва ли не сильнее впечатлили десятки этюдов рядом. На них – головы, лица, фигуры, детали будущей композиции. Вот и здесь примерно то же за минусом суммарного шедевра. И так.

Джеф, бывший начальник.

Академик, умница, вымирающий экземпляр. Километровый список регалий опостылел даже ему. Пару лет заслуженно отдыхает консультантом, то бишь свадебным генералом в ООН. Иногда заезжает в офис – порадоваться, как тут без него хреново. Людей больше, толку меньше, чему, разумеется, найден вагон причин. Невысок, пухляк, седая борода лопатой, волосы красит в чёрный цвет. Похож на старого развязного хоббита: my boy, good girl, ноги на столе (я не шучу). Всем придумал кликухи. Стивена называет Стиви, Терри – Тесс, Айвана – Айв, Хелен – Хел. Руфь почему-то – Руфикус. Болтун высочайшей пробы. Я всегда таким завидовал. Чешет экспромтом на любую тему – складно, убедительно и весело. Иногда пускает лёгкий матерок. Стиви о Джефе: he can bullshit his way out of everything. Затрудняюсь перевести это с точными

нюансами смысла. Приблизительно так: он может отболтаться от чего угодно. Лучшего начальника у меня по жизни не было.

Хелен, секретарша.

Удивительно, за какие грехи у этой безобидной профессии столько эфемизмов? На моей памяти Хелен звалась личным ассистентом, исполнительным помощником, координатором проектов и офис-менеджером. Но делала всегда одно и то же – организовывала начальника. Забывчивость Джефа равна его активности. Мыслит и передвигается он стремительно. Читает бумаги даже в туалете, облегчаясь у писсуара. Однажды в таком состоянии зазвонил его мобильник. Каким образом Джеф ответил – не знаю, подсмотреть я не решился. Стив – опять-таки, за глаза – шутил, что в детстве начальник явно перенёс ADHD.

Такому, понятно, одной секретарши мало. На Джефа горбатились три. Хелен – самая интересная. Худая, востроносая дюймовочка лет пятидесяти. В курсе всех офисных сплетен за минуту до их появления. Восхитительно дерзит любому руководству. Помню, на одном корпоративе говорит: «Указания Джефа надо выполнять с третьего раза. С первого он точно забудет. И со второго может. Вот если в третий раз напомнил, значит, придётся делать». Джеф смеялся громче всех – умный, пёс. Однако, кроме Хелен, никто такого с ним не позволял.

Секрет этой отваги прост. У Хелен муж-банкир и пять домов на элитных окраинах Сиднея. Три сдаются, в двух они живут. Иногда я думаю: хорошо быть с начальством на равных. А главное, чтобы это равенство выглядело естественно. Хорошо не прогибаться даже внутри себя. Криво усмехаться и рискованно шутить, зная, что в любую секунду можешь послать их вдаль. И захлопнуть

дверь ногой. С другой стороны, зачем она вообще работает? Вот. Чтобы демонстрировать наряды, которых много, только обуви сорок пар, где зрителей напасёшься? А в офисе ежедневное дефиле. И тут всё хитро. Если Хелен явилась в бирюзовом платье с оборками – туфли на ней абсолютно в цвет. И маникюр с педикюром, и тени. А если, допустим, в оранжевом с искоркой, то вся, натурально, апельсиновая и блестит.

Раз Хелен подвозила меня в центр, значит, ехала не домой. Я спросил:

– Ужин в ресторане?

– Лучше. В театральной студии.

– Ты ещё и актриса?

– Драматург.

– Ого. Много пьес написала?

– Одну.

– Богатые тоже плачут?

– Что?

– Шутка. Дашь почитать?

– Она, м-м-м, не совсем готова. Не могу закончить.

– Что так?

– Творческий поиск, кризис... Ты не поймёшь. Это тебе не цифирь гонять.

– А. Ну да.

После ухода Джефа Хелен перевели в другой кампус. Или она сама перевелась. При нечастых встречах мы общаемся. Зачем – объяснить не могу.

Пол, начальник.

Я помню, как его назначили вторым замом Джефа. Назначение было тихим, а должность – придуманной. Тогда Пола не особо замечали, на людях он появлялся редко. Когда Джеф, подобно старой актрисе, уходил в окончательный раз, всех изводила мысль: кто? Либо

Стив (первый зам и редкостный гондон, пакуйте коробки, господа), либо кто-то извне. Тут наверху легонько щёлкнуло, повернулись скрытые механизмы... И директором стал Пол.

И мы его впервые как следует разглядели. Оказался похож на матёрого ловеласа с оттенком голубизны. Волосы цвета грязного сена – модно торчат. В ухе серьга. Приталенные сорочки расстёгнуты а-ля мафиози, тесные брюки и комично остроносые штиблеты.

Секретарша бывшего шефа – это проблемное наследство. Это как обувь из секонд-хенда – не старая и размер подходящий. Но... по чужой ноге разношено, не своим пахнет. Короче, Пол берёт в секретари юношу неясных лет. Юноша – его зовут Крейг – напоминает самого Пола, уменьшенного размера на два. Брючки в обтяжку, негромкий голос, ускользящий взгляд. Вроде смотрит в глаза, а получается мимо.

Может, они и правда гомики? Но у Пола жена, дочь и якобы любовница. Какой-нибудь дремучий гомофоб сказал бы, что это для маскировки. И оказался бы неправ. Здесь эти ребята в таком почёте, что маскироваться скоро будем мы. С воцарением Пола народу в офисе удвоилось. Причём для всех новеньких изобретены тёплые должности. А народец мутный, ясно только одно: все они знали Пола раньше. Вот, например...

Джанель, старший менеджер чего-то там.

У неё самая фальшивая улыбка в офисе. Настолько фальшивая, что в улыбку эту хочется плюнуть. Я долго сдерживался, затем привык. Тем более что улыбается Джанель постоянно. Кто её выучил этому гадству? Кто натаскал сочувственно заглядывать вам в лицо? И ласково кивать всякому слову? Так ведут себя чудики-психиатры в голливудских комедиях. Ещё она любит декадентские

стрижки, костюмы покроя шестидесятых, всяческие заседания и коллективные обеды. И чтобы каждый рассказал о своих трудовых успехах и планах. Я давно заметил: чем туманнее у людей обязанности, тем больше им нравится говорить об успехах и планах.

Но за подножку Стиву я простил ей всё. А дело было так. Пиарщица Джанель объявилась в конторе вслед за Полом. Затем легко пересела в нагретое место второго зама. Слишком легко. Умные головы сделали выводы. И в отпуск ходят вместе, не иначе тинтель-минтель. Правда, он летит на Гавайи, а она – в Европу. Плюс малыш Крейг... хм, неувязка. Может, он их внебрачный сын? Или они всё-таки подруги?

Через два года Пола назначают и. о. проректора. За какие доблести – отдельный риторический вопрос. И. о. на шесть месяцев – а значит, в это время рулить здесь будет кто? Тоже и. о. В теноре Стива зазвучала победная гнусавость. Однако наверху снова повернулись колёсики, и мы узнаём, что и. о. шефа – упс! – назначена Джанель. Вот тебе и Джанель номер пять!

Такую деградацию командного состава выдержит не всякий коллектив. Мы дрогнули, но устояли, высокие профи, чего там. Одно приятно: Стива обломали дважды. Мало того, он у неё в подчинении – ха-ха. Столько лет – верой и правдой, от рассвета до заката, без единого отгула... Тсс, вон он идёт.

Стив, главный менеджер чего-то там ещё.

Вообразите сутулую единицу, кол – в мятых брюках, унылой рубашке и галстуке. Получатся Стив и его длинный нос. Если бы не редкая смена галстуков, могло бы показаться, что он в офисе живёт. Когда приходит и уходит – неизвестно. Ест, не отрывая глаз от монитора. Испытывать нежность к четырём арифметическим действиям – это пе-

ребор. Даже в таком фатальном случае, как Стиви. Вряд ли он мазохист – скорее, обычный придурок. Либо дома тошно человеку, кстати, версии не исключают одна другую.

И хрен бы с ним, его проблемы, так? А вот и нет. Кабинет его напротив входа. Дверь всегда открыта. Утром коллеги идут мимо, Стив здоровается и как бы ненароком бросает взгляд на часы. Вечером та же история.

Иногда говорит:

– Уже домой? Так рано?

– Так я раньше пришёл сегодня, – оправдывается пойманый, – а ты, Стив, как обычно, допоздна?

– Как обычно, – укоризненный вздох, – у меня всегда полно дел.

Меня эти вздохи и косяки, сознаюсь, раздражают. Но если б только они. На любойговорильне Стив подолгу отчитывается о своей титанической работе. За один тембр голоса удавил бы. Джанель радостно кивает, хотя мало что понимает, как и все остальные. Общая идея такая, что без него университету кранты. Что он тут самый нужный человек, а мы, выходит, груши околачиваем. Иногда говорит:

– У меня столько отгулов, что, если бы их разом взять, ушёл бы на год. Но я и одного не беру. Дела.

Или:

– В других университетах мои обязанности выполняют трое. А здесь – я один.

Ну и мудаки, думают все. А Хелен однажды сказала:

– Ещё бы понять, чем ты, собственно, занимаешься.

Раз встречаю даму из соседнего отдела.

– Как вы, – говорит, – с ним общаетесь? По-моему, ваш Стив – идиот.

– Не исключено. А что случилось?

– Заходит вчера к нам в офис, спрашивает: «Ну как вы тут, заняты?» «Очень, – говорим, – заняты». Он сделал

морду: «Вы – очень? Вы эти забавы называете работой? Да вы не представляете, что такое заняты». И всё на полном серьёзе. Нет, он больной.

Точно, есть у нашего вечного зама эта милая привычка: шататься по офису и заглядывать в кабинеты.

– Ну как, – усаживается напротив, – работа идёт?

Я теперь ему не подчиняюсь и могу быть кратким:

– Идёт.

– Над чем трудимся?

– Над разными задачами. А что?

Тут он вспоминает, что больше мне не супервайзер, и даёт задний ход:

– Да так, ничего. Просто спросил.

«Ну и вали отсюда», – телепатирую я.

Он слушается.

Голос Стива оживляет в моей памяти непечатные идиоматические конструкции, актуальные в школьные годы. А я-то думал, что совсем их забыл. Он даже «окей» не способен выговорить по-человечески. У него получается «акя-яй».

Терри, компьютерщик.

Слово «шестерить» я узнал в начальных классах. И впоследствии более-менее удачно избегал этого занятия. Один только случай меня беспокоит. Расскажу, а вдруг станет легче. В аспирантуре мною научно руководила Ольга Павловна, жёсткая, властолюбивая стерва. У неё бы табуретка защитилась, везде схвачено насмерть. Ольга Павловна дала мне работу на кафедре (это начало девяностых, время самое голодное). То есть от неё серьёзно зависело моё настоящее и будущее.

Зная это, начальница требовала от меня всяких безвозмездных услуг. Главным образом подмены себя на лекциях и выгула по Москве иностранных гостей. Шесть

раз за казённый счёт я посетил Большой театр. Дважды ездил в Загорск. После визита в Звёздный городок нашу делегацию из трёх англичан, шофёра и меня обсчитал ресторанный халдей. Шельмец отлично понимал, что скандалить при иностранцах я не буду.

И всё бы ничего. Но в какой-то момент я осознал себя таким же примерно халдеем при Ольге Павловне и её заграничных гостях. Друзья и раньше шутили на эту тему, но я отмахивался. Помню, сижу в кабинете – один. Вдруг телефон – она, настроение злобное. Надо срочно ехать в издательство за макетом её книги. То есть это надо было вчера. Бегом, по исполнению доложить. Конечно, Ольга Павловна. Никаких проблем, уже еду. Вдруг я понимаю, что стою навтыяжку в пустом кабинете и трубкой отдаю честь. Неприятное открытие. Всё-таки надо тщательней отслеживать себя. Постоянно контролировать хотя бы внешне. Здесь – особенно. Здесь жополизов мало, и они видней, хотя подходят к делу тоньше. Усердия, энтузиазма не замечал в самом процессе. Пока не встретил Терри.

Но вот занятный парадокс. Если в нашем офисе и есть незаменимый человек, так это он – Терри. Уволься он завтра – проблем возникнет больше, чем в случае пропажи всего начальства. А хорошо бы им пропасть куда-нибудь на месяцок. Терри изобрёл множество хитроумных компьютерных полезностей. Как они устроены, знает только он. Весной приобрели аналитические софты IBM. Дорогие, классные, только не работают. Приезжают консультанты, снобы мальчишки в костюмах, вешают нам длинную лапшу. В переводе с их жаргона: мы тупые, а программы – супер. Вот, смотрите. И правда, с ними кое-как работают. Без них – только включаются, но редко. Терри уединился в кабинете с софтами, пыхтел несколько дней. И наладил лучше, чем в рекламе. «Ого... – сказали консультанты. –

Научишь?» «Щас, – ответил Терри, – IBM научит». Все боялись, что ребята его переманят. А им такие умники без надобности. Тогда ведь, по сравнению, они-то сами кто?

Не понимаю, зачем Терри лебезит перед начальством так, что стыдно делается мне. Бегаёт советоваться о всякой мелочи, лепечет, розовеет. Мнётся на пороге, будто школьник. Ежедневно пишет доклад о сделанной работе. Использует такие обороты, как: «всего за два часа мне удалось...», «было трудно, но я сумел...», а также «итог моих усилий превзошёл ожидания».

Он любит нервно шутить об увольнениях и сокращениях. Я в этих шутках чувствую страх. Почему он боится? Ежу ясно, что при самом худшем раскладе Терри уволят последним.

Но чашка кофе в три пополудни меня добила. Приметил я это не сразу. Мало ли народа болтается с чашками по офису. В основном пьём растворимый, без суеты. А Терри приволок навороченную машину. Действуя, она испускает такой аромат, что пить кофе уже необязательно.

Однажды замечаю, как Терри с лакейским видом и чашечкой на блюдце заходит к Джефу. А выходит без неё. Потом увидел ещё раз. Присмотрелся, а это ежедневный ритуал! Помню, работали у Джефа в кабинете. Он диктовал мне что-то, взгромоздив ноги на стол. Аккуратный стук, всплывает Терри с чашечкой.

– Твой кофе, Джеф.

И ставит её рядом с руководящим ботинком.

– Спасибо, мой мальчик, – говорит начальник, не отрывая глаз от бумаг.

А на поверхности кофе – сердечко.

Недавно я окликнул Джефа в супермаркете. Бывший шеф обрадовался. Сели в баре, заказали вина, поболтали. Я что-то рассказал о Терри. Джеф усмехнулся, обронил: «Забавный малый». И сменил тему.

Пол и Джанель ходят за кофе в буфет, Стиви пьёт зелёный чай. Здоровье бережёт, надеется когда-нибудь побыть директором. Так что кофейные услуги оказывать некому. Что добавить о Терри? Упитанный, лысый, часто краснеет. Интересно, что лысина краснеет первой. Щёки – самая заметная часть лица.

Остальные.

И ещё мы. Человек двадцать невидимых тружеников мыши и экрана. Утром мы общаемся:

– Хай. Как дела?

– Хорошо. Как сам?

– Неплохо.

Вечером говорим:

– Бай.

– Бай. Увидимся завтра.

В офисе есть люди, которым я за шесть лет не сказал ничего, кроме «хая» и «бая». Думаю, это всех устраивает. Кое-какие имена вспоминаю не сразу, мягко говоря. Особенно – у лиц индийской национальности. Число их за последнее время явно увеличилось. От ноля до пяти-семи. Это Джанель заигралась в народную принцессу. Фамилии у ребят – вообще не подходят. Забор с колючей проволокой и током, например Suriyagachchi. А имена сократили до более пристойных: Читра, Шрини, Сафи... Ещё бы угадать, кто перед тобой – Читра, Шрини или Сафи.

Нет, лучше не гадать, всё равно ошибёшься. Лучше просто: «хай, бай, как дела». Иногда одному и тому же человеку по три раза в день. Потому что забываешь, когда ты его видел: сегодня или вчера. Или месяц назад. Дни и лица одинаковые, как пустые товарные вагоны. А ведь это моя жизнь уходит порожняком.

Была у нас такая Розмари, одна из секретарш Джефа. Тихая офисная мышка: старомодные очки, бесформен-

ные платья. А потом как-то узнаю: собирают ей деньги... на венок.

– Это как понять? – спрашиваю.

– Чего тут непонятного? Умерла от рака. Завтра отпевание. Ты идёшь?

– Да как же так? Я её на прошлой неделе видел...

– Ты уверен, что не в прошлом месяце? Она давно болела вообще-то.

Вот тебе на. Зато дела всегда были «хорошо». Ну что, похоронили Розмари. Устроили поминки, людей собралось много. Она давно в нашем здании работала. А я на поминки чуток опоздал. Иду и сомневаюсь: удобно ли входить? Там сейчас прощальные речи, скорбные лица. На подходе слышу галдёж. Народ, собравшись кучками, активно жуёт и беседует. Не об усопшей, нет. О погоде и футболе, как раз чемпионат мира шёл.

Я задумался: а ведь со мной получится так же. Не появлюсь в офисе неделю, другую, месяц. Большинство сослужащих не заметит. А потом будут собирать на меня деньги и лопать бутерброды. Не хочу я их денег. Надо оставить письмо, чтобы не собирали.